

ЕВРАЗИЙСКИЕ МОНЕТЫ XIII ВЕКА С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Историко-археологические этюды

В статье анализируются единичные монеты венгерского короля Белы III, хорезм-шаха Джалал-ад-Дина, а также монеты из числа единичных находок и из двух кладов грузинской царицы Русудан, бронзовые монеты средневекового Китая, обнаруженные в разные годы в различных уголках Северного Кавказа.

Каждая группа находок рассматривается на широком историческом фоне событий первой половины XIII в. Авторы склонны связывать появление монеты Белы III с деятельностью торговых агентов из Латинской Романии, обеспечивавших приток в Прикубанье различных товаров из бывших рыцарских государств. Монеты Джалал-ад-Дина и царицы Русудан имели хождение как основные платежные средства в ходе активной торговли, возобновившейся после 1222 г. Китайские монеты авторы связывают с торговыми отношениями Золотой Орды и Китая. Благодаря развитию этих отношений на Северном Кавказе получили распространение не только данные монеты, но и высокохудожественные изделия из серебра, фарфора и шелковых тканей, хорошо представленные в раскопанных материалах бытовых памятников и позднекочевнических древностях XIII–XIV вв.

Ключевые слова: средневековье, монеты, Бела III, хорезм-шах Джалал-ад-Дин, царица Русудан, династия Сун, Северный Кавказ, торговля, связи.

Введение

Общеизвестны лаконичные свидетельства письменных источников, которые передают драматические события 1222 г. Тогда, за год до сражения на р. Калке, Чингизиды, пройдя Закавказье со стороны Дербента, первый раз появились на Северном Кавказе. Они, по рассказам ал-Асира, три раза вступали в сражение с алано-половецкими силами Северного Кавказа, но победить смогли, только разведив последние при помощи подкупа и подношений половецкой аристократии. Чингизиды разбили северокавказских аланов и, двигаясь вслед за ушедшими половцами, отошли в сторону Калки. Многие кавказоведы, которые достаточно подробно комментировали различные эпизоды из повествования ал-Асира, оценивают итоги и последствия этого рейда как катастрофу для всей «северокавказской Алании» и считают 1222 г. началом «феодальных смут и раздробленности» в регионе. Не ставя

под сомнение весь драматизм ситуации начала XIII в., обратим внимание на целый ряд монет этого времени, которые если и рассматривались специалистами, то по отдельности и как единичные артефакты. Между тем в совокупности интересующий нас нумизматический материал может расширить представления о последствиях чингизидского рейда 1222 г. и специфике развития региона в последующее время.

Описание находок

1. Монета венгерского короля Белы III. Считается самой ранней среди рассматриваемых нами. Случайная находка с территории Таманского городища (Темрюкский р-он Краснодарского края), т.н. византиноподобный фоллис (рис. 1) [Гончаров, Чхаидзе, 2007, с. 344]. Согласно описанию, на аверсе монеты сохранилось изображение «Девы Марии, сидящей на

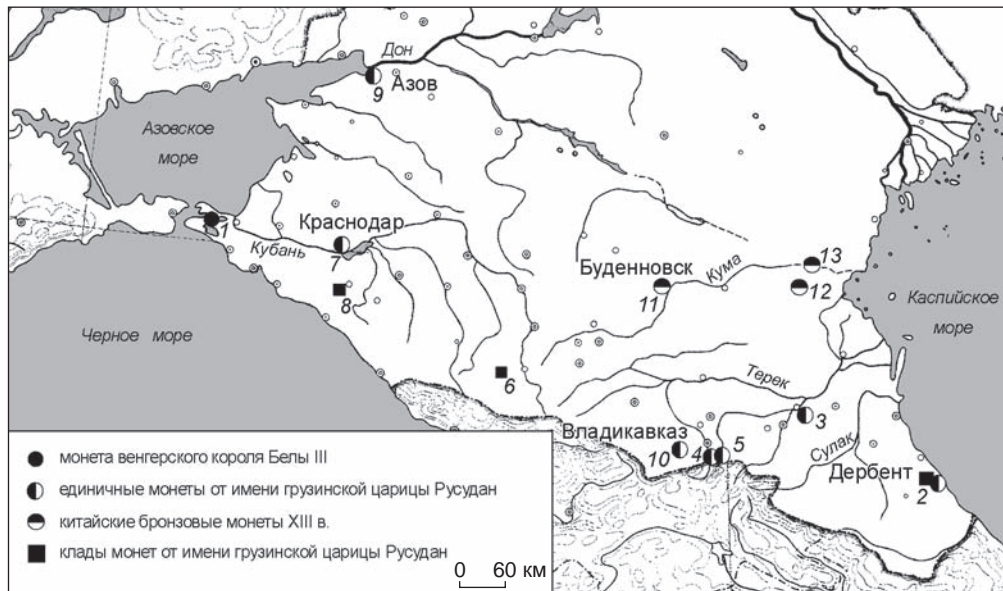

Рис. 1. Карта-схема мест обнаружения евразийских монет XIII в. на территории Северного Кавказа. Цифры соответствуют нумерации категорий находок в тексте.

престолу, в правой руке крест». По кругу – легенда: «SANCTA MARIA». На обороте «король и королева, сидящие на троне. В руках по скипетру», между ними – «длинный крест или стилизованное изображение архитектурных арок, вокруг отдельные буквы». Вес медной монеты 1,93 г, диаметр 26,7 мм [Там же] Эта монета, выпущенная еще в конце раннего средневековья, как полагают Е.Ю. Гончаров и В.Н. Чхаидзе, опираясь на сведения документальных источников, которые были опубликованы И.Ю. Князьким, могла оказаться на территории Северного Кавказа благодаря военному продвижению венгерских королей на восток в первой трети XIII века. (В 1226 г. венгерские короли провозгласили свою власть над всей Куманией и в 1228 г. создали Половецкую епископию.) Возможно, по мнению тех же исследователей, монета из Венгрии попала в район нижней Кубани и в первой половине XIII в. вместе с кем-либо из половцев или же участников европейского похода Бату в 1241 г. [Там же]. Однако, как считает В.Н. Чхаидзе, «в настоящее время нет никаких археологических свидетельств не только появления половцев на Тамани в начале XII или середине XIII в., но и вообще их присутствия на полуострове» [2008]. Предпочтительной может показаться и версия, позволяющая связывать интересующую нас находку с появлением на Тамани участников европейского похода Чингизидов. Но общеизвестны письменные источники, сообщавшие о перемещении военных действий (1239–1240) от Тамани на восток, в сторону г. Дербента, и завершении к 1241 г. этой кампании на Северном Кавказе; одна часть военных подразделений, захватив после полуторамесячной оса-

ды раннюю столицу средневековой Алании г. Магас, выдвинулась в сторону Дербента, другая осталась на Северном Кавказе и расположилась здесь на зимовку, третья вернулась «в свои орды», которые находились далеко за пределами Северного Кавказа. Сведениями письменных источников о появлении на Северном Кавказе каких-либо новых чингизидских подразделений, вернувшихся на Северный Кавказ из Центральной Европы, мы не располагаем. Открытым пока остается и вопрос о том, «ходили ли такие монеты» на территории самой Венгрии вплоть «до монгольского нашествия» [Там же]. По этим причинам следует рассмотреть и другие возможности попадания интересующей нас монеты Белы III на нижнюю Кубань.

В истории Венгерского королевства периода правления Белы III заметной считается целая череда событий. Среди них выделяют, например, возглавленный Белой III поход против Австрии, захваты Далмации и части византийских владений, заключение мира с Исааком II Ангелом, женитьба Белы III на сестре короля Франции Маргарите Капет, а также поход против Галицкого княжества, пребывание при нем в Венгрии участников Третьего крестового похода, противостояние с Венецией и пр. [История Венгрии, 1971]. С учетом перечисленных событий могут появиться самые разные предположения о причинах, путях и условиях появления интересующей нас монеты на Таманском полуострове, причем еще в период раннего средневековья. К моменту обнаружения на Тамани монета была распрямлена и сильно стерта, хотя такие монеты выпускались в форме «чашечки» [Гончаров, Чхаидзе, 2007]. Кроме того, в ней имелись поздние специаль-

но пробитые отверстия для привешивания; вероятно, к моменту попадания на Кубань монета могла использоваться уже не как платежное средство, а как украшение, талисман, оберег или «иконка» (рис. 2). Другими словами, к этому времени монета практически утратила свои изначальные функции. Учитывая наличие на ее аверсе изображения Девы Марии, можно предположить, что получившаяся привеска могла выполнять и роль культового предмета. Однако когда и каким путем этот предмет оказался на Тамани, остается лишь гадать; о пребывании средневековых мадьяр в районе Кубани источники упоминают лишь в связи с окончанием разведывательной миссии монаха Юлиана, побывавшего на Кубани и в Поволжье дважды (1235 и 1237) по поручению венгерского короля Бельи IV [Гольман, 1988].

Интересующий нас предмет мог попасть на нижнюю Кубань вместе с владельцем изготовленной из монеты привеской. Такая версия позволяет рассматривать монету не столько как результат прямолинейных связей обитателей Таманского полуострова с населением Венгрии, сколько как следствие контактов,

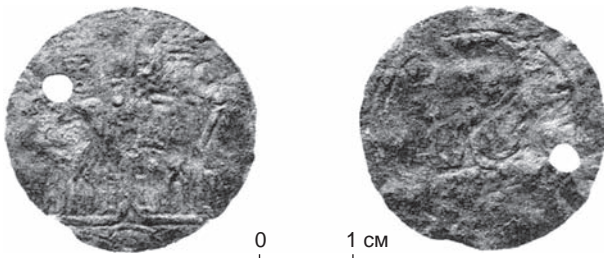

Рис. 2. Венгерская монета с Таманского городища (по: [Гончаров, Чхаидзе, 2007]).

Рис. 3. Грузинские монеты Русудан из Горной Ингушетии.

опосредованных через разноэтничных торговцев или торговых агентов, которые еще при первых трех золотоордынских ханах начали прокладывать торговые трассы в Золотую Орду, например, из Латинской Романии и Лигурии, или же тех, кто обеспечивал приток на территорию Северного Причерноморья и Золотой Орды различных европейских товаров, в т.ч. «рыцарских» предметов обихода. Эта категория товаров попадала в Прикубанье, как полагают специалисты, не столько из Центральной Европы, сколько из Южной Европы [Крамаровский, 1985, 1993, 1998] и через территории государств, которые незадолго до чингизидских вторжений в Европу были основаны бывшими участниками крестовых походов.

2. Монеты хорезм-шаха Джалал-ад-Дина и царицы Русудан тбилисского чекана. Известны две медные монеты Джалал-ад-Дина тбилисской перечеканки, а также несколько медных монет грузинской царицы Русудан и два клада.

Монеты хорезм-шаха Джалал-ад-Дина (1220 – VIII. 1231) обнаружены на территории Дербента и в его окрестностях (см. рис. 1, 2) [Пахомов, 1970; Джалагания, 1979; Гусев, 1995; Прокопенко, 1995в, 2000; Нарожный 1996б, 2007]. Подобные образцы считаются платежными средствами грузинской казны, которая была захвачена хорезм-шахом после взятия им столицы Грузинского царства и вскоре перечеканена от его имени [Джалагания, 1979; Буниатов, 1988].

Монеты грузинской царицы Русудан (ум. в 1245 г.) – случайные находки и в составе монетных кладов найдены в Дербенте (см. рис. 1, 2), а также недалеко от него [Пахомов, 1970; Джалагания, 1979; Гусев, 1995]. Еще одна непробитая монета была поднята в окрестностях современного с. Майртуп в Шалинском р-не Республики Чечня (см. рис. 1, 3) [Виноградов, Нарожный, 1988; Нарожный, 1997, 2007]. Пять пробитых монет (а не две, как указывалось предварительно [Тменов, 1985; Виноградов, 1988]) обнаружено в «пещерном склепе» на средневековом могильнике у с. Дзивгис в Северной Осетии (см. рис. 1, 10) [Тменов, Цуциев, 2003]. Еще пять пробитых монет извлечены из каменных ящиков и полуподземных склепов у горно-ингушских селений Кели и Эгикал Джейраховского р-на Республики Ингушетия (см. рис. 1, 4, 5; 3) [Виноградов, Нарожный, 1988; Нарожный, 1997]. В литературе упомянута точно такая же монета (непробитая), поднятая на территории современного г. Краснодара (см. рис. 1, 7) [Пахомов, 1970; Прокопенко, 2000]. Монеты из Осетии и Ингушетии были определены И.Л. Джалагания (Центр археологических исследований, г. Тбилиси) и Г.А. Федоровым-Давыдовым (МГУ); все монеты тбилисского чекана 1227 г. детально описаны Д.К. Капанадзе и Е.А. Пахомовым [Капанадзе, 1955; Пахомов, 1970].

Известно и о двух крупных кладах медных монет Русудан, обнаруженных на Северном Кавказе. Пер-

вый был открыт случайно в XIX в. в окрестностях современной станицы Сторожевая на верхней Кубани (см. рис. 1, б) при закладке Надеждинского редута (историографию вопроса см: [Пахомов, 1970; Прокопенко, 2000]). Количество монет, обнаруженных в кладе, неизвестно; сообщалось лишь об их многочисленности. Второй клад найден в 1848 г. при строительстве Хадзыженской крепости (см. рис. 1, 8) на территории «Майкопского отдела Кубанской области». Клад быстро «разошелся» по рукам; сохранились сведения лишь о 500 монетах из него [Пахомов, 1959]. Имеются сведения еще об одной находке – «серебряной монете Русудан», поднятой на территории современного г. Азова Ростовской обл. (см. рис. 1, 9). В публикации сведений монета ошибочно названа «медной» 1227 г. [Федоров-Давыдов, 1985]. Как считает Ю.А. Прокопенко, эта серебряная монета относится к эмиссии 1230 г. [1995а, б]. Такое же мнение в 1999 г. выразил В.И. Перевозчиков, являвшийся в то время главным хранителем Азовского краеведческого музея.

Почти все перечисленные монеты Русудан и Джелал-ад-Дина неоднократно становились объектами внимания специалистов, которые по-разному определяли причины и условия их распространения в регионе, а также причины сокрытия части из них в виде кладов. Чаще всего в этих находках видели отражение продолжительных «грузино-северокавказских» торговых и конфессиональных связей, которые не прекратились и после драматических событий 1222 г. Достаточно оригинальными выглядят еще две версии, обоснованные Ю.М. Сихарулидзе и Ю.А. Прокопенко. Ю.М. Сихарулидзе при освещении истории Грузии XIII–XIV вв. указывал, что на период правления Грузией царицей Русудан приходился апогей набеговой активности горцев Северного Кавказа, при этом им доставалась самая разнообразная «добыча», включая, вероятно, и монеты от имени Русудан [1959]. Ю.А. Прокопенко все указанные нумизматические материалы предлагает рассматривать как «имущество грузинских чиновников и офицеров», которые после захвата Тбилиси армией хорезм-шаха Джелал-ад-Дина пытались найти спасение на Северном Кавказе. Эти «беженцы», как предполагает Ю.А. Прокопенко, и унесли с собою значительную часть грузинских монет на Кубань. Позже по неизвестным причинам монеты оказались сокрытыми в земле в виде двух обширных кладов [1995а, б; 2000]. Обе версии имеют право на существование, но учитывают далеко не всю реальность. К тому же они совсем не объясняют причину появления в Прикубанье столь многочисленных монет – единичных находок и синхронных монетных кладов Закавказья. Е.А. Пахомов составил их подробный перечень, включив в него также монеты Русудан и монетные клады, обнаруженные в Закавказье: г. Ани, на территории крепости Карс, «в Кута-

исском уезде», «Кагызмане, Ардакане, Ахалкалахе и Пицунде» [1926], т.е. не только в Восточной и Западной Грузии, но и на сопредельных с Грузией территориях [Нарожный, 1996б, 2007]. Все закавказские клады, состоящие из монет Русудан, связывать только с «беженцами» достаточно сложно. При поиске причин распространения закавказских монет на территории Северного Кавказа следует учитывать и другие, более реалистичные версии.

Чтобы составить полное представление о причинах и условиях притока интересующих нас нумизматических материалов на Северный Кавказ, необходимо рассматривать монеты из числа единичных находок в рамках нескольких условных групп.

Первая группа – это монеты хорезм-шаха и Русудан, обнаруженные на территории Дербента и в его окрестностях, а также монета из Майртупа (см. рис. 1, 2, 3). Все находки этой группы, безусловно, примыкают к исторической территории Дербента, являвшегося крупным городским и торговым центром средневековья на стыке Европы и Азии. Этот город был также и важным торгово-перевалочным пунктом, в котором пересекались многочисленные международные торговые трассы и менее значимые пути древности и средневековья [Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А., 2003, 2008]. По мнению специалистов, в первой трети XIII в. средневековая Грузия, пережив все потрясения, связанные с вторжением Джелал-ад-Дина, восстановила торгово-экономические связи с Северо-Восточным Кавказом, включая Дербент (см., напр.: [Джалагания, 1979]). Возобновление торговли обеспечивало приток в указанные районы не только интересующих нас монет, но и отдельных групп поливной керамики, которая более соответствует предшествовавшему времени и воспринимается многими специалистами как ремесленная продукция, характерная не только для Дербента, но и для территорий сопредельного с ним современного Северо-Восточного Азербайджана. Многочисленные фрагменты «азербайджанской» керамики с поселений в окрестностях современного чеченского с. Майртуп повторяют технологические признаки и декор таких раннесредневековых образцов, имеют явные признаки производственного брака (полости, оставленные пузырьками воздуха, подтеки подглазурной росписи и пр.), что заставляет связывать эти находки с восстановлением после 1221–1222 гг. в Северо-Восточном Азербайджане и Дербенте старых производственных центров. Вместе с интересующими нас монетами образцы такой поливной посуды не только документируют процесс возрождения ремесленного производства и торговли в Закавказье, но и очерчивают границы ее распространения по территориям, находящимся далеко к северу и к северо-западу от Дербента [Нарожный, 2008]. Это дает веские основания для пересмотра традиционной оценки ус-

ловий развития Северного Кавказа после 1220-х гг. только как катастрофических и насыщенных перманентными междоусобицами.

Вторая группа – монеты из горной зоны Северной Осетии (Дзивгис) [Тменов, Цуциев, 2003] и Ингушетии (Келийский и Эгикальский могильники) [Виноградов, Нарожный, 1988]. Они тяготеют к другой торговой артерии средневековья – Дарьяльскому горному проходу (см. рис. 1, 4, 5, 10), соединявшему центральные районы Северного Кавказа с Закавказьем и только в XIX в. ставшему относительно благоустроенной Военно-Грузинской дорогой. Можно предположить, что монеты Русудан из горных районов Осетии и Ингушетии были обычными платежными средствами; в силу каких-то причин их «изъяли» из торгового оборота близ Дарьяля. «Осевшие» в высокогорье Восточного Придарьяля и со временем утратившие функции эквивалентно-платежных средств монеты были пробиты и стали использоваться местным населением как привесные или подвесные украшения, талисманы и обереги. В новом качестве они попадают в погребальные комплексы, становятся сопроводительным инвентарем.

Возможно еще одно объяснение причин распространения грузинских монет Русудан в Восточном Придарьяле. В письменных источниках, сообщавших о политических катаклизмах в Грузии, которые были связаны с появлением у ее границ войск хорезм-шаха Джалал-ад-Дина, говорится, что царица Русудан занималась военными приготовлениями. Узнав о приготовлениях Джалал-ад-Дина, указывается в документе, Русудан «призвала восточные и западные войска эров, кахов, сомхитаров, джавахов, месхов, таовцев, дадиани, абхазов, джиков», т.е. племена, проживавшие на территории Восточной и Западной Картли [Буниятов, 1988]. Те же события описывает и грузинский «Хронограф» XIV в.: перед вторжением Джалал-ад-Дина в Тбилиси царица Русудан «отверзла Врата Дарьяльские, впусив овсов, дурдзуков, а заодно и других горцев тех мест» [Цулая, 1980; Анонимный грузинский «Хронограф», 2005]. В результате, как свидетельствует письменный источник, собралось «их (союзников Русудан. – Авт.) множество, и всех она направила на битву с хорезмийцами. Они прошли Тифлис, а султан (Джалал-ад-Дин. – Авт.) стоял лагерем около Болниса. Когда сторожевые посты хорезмийцев заметили их приближение, они сообщили об этом султану. Он двинулся вперед, и началась страшная битва... но бог был разгневан на грузин и никак не мог унять этого гнева. И снова царские войска потерпели поражение и бежали. А султан снова пришел в Тифлис. Если что-нибудь еще оставалось для разграбления, он грабил, а другое – уничтожал» [Буниятов, 1988]. Таким образом, Русудан, готовясь к обороне грузинской сто-

лицы, пыталась увеличить численный состав своих войск не только за счет грузинских соплеменников, но и союзников с сопредельных территорий, включая и Северный Кавказ. В упомянутом выше грузинском «Хронографе» XIV в. названы овсы – средневековые аланы из Придарьяля и дурдзуки – средневековые предки современных ингушей, обитавших по соседству с аланами в Восточном Придарьяле. Вполне вероятно, что пришедшие на помощь царице отряды набирались за определенную плату и, несмотря на поражение, Русудан необходимо было рассчитаться со всеми своими союзниками, включая и северокавказских горцев.

В нумизматической литературе можно встретить утверждение, что впервые царица Русудан осуществила денежную эмиссию от своего имени только через четыре года после своего пришествия на грузинский престол, т.е. в 1227 г., в связи с «потребностью в денежной реформе». Поскольку в это время Тбилиси был занят войсками хорезм-шаха, Русудан чеканила свою монету в Кутаиси [Капанадзе, 1955; Пахомов, 1970]. Согласно документам, проведение в 1227 г. эмиссии было попыткой унифицировать денежную систему. Кроме того, скорее всего, в 1227 г. Русудан необходимо было рассчитаться за военную услугу, оказанную ей кавказскими союзниками, перечисленными в источнике. Чеканка медных монет в 1227 г., вероятно, должна была обеспечить выплаты за военную помощь. Возможно, возвращавшиеся назад, в Восточное Придарьяле, аланы и дурдзуки во многом способствовали заметному распространению монет Русудан в высокогорной зоне Осетии и Ингушетии. Но весьма скоро, из-за оторванности от Грузии, монеты эти оказались невостребованными и были превращены в оригинальные украшения. Многие из таких монет в составе ожерелий (вместе со стеклянными и поливными бусами, раковинами каури) оказались в погребальных комплексах «пещерных» склепов осетинского Дзивгиса, в ингушских, келийских и эгикальских каменных ящиках и полуподземных склепах.

Сложнее объяснить причины появления двух обширных («Надеждинский» и «Хадыженский») кладов монет Русудан на Кубани. Оба клада были обнаружены, как уже отмечалось, случайно, при возведении российских военных укреплений. Подобные объекты сооружались обычно на труднодоступных возвышенностях, с которых хорошо просматривалась вся окружающая местность. В средние века для поселений и городищ выбирались точно такие же места. Вполне возможно, что российские укрепления были построены на территории двух средневековых поселений или городищ, в культурных слоях которых и находились оба клада грузинских монет чеканки 1227 г. Тем более что на Северном Кавказе неоднократно фиксировалось аналогичное перекрытие российски-

ми укреплениями XIX в. разновременных археологических памятников [Нарожный, 1996б]. Более того, исторически и географически территория, где были обнаружены оба клада, тяготела к бассейну Черного и Азовского морей (см. рис. 1, 6, 8), вдоль которых, если следовать сообщениям армянского автора XIII в. Гайтона [Мирный, 1965; Нарожный, 1997], больше известного как Гетум Патмич [Тер-Мкртчян, 1985], пролегла еще одна международная торговая трасса. Этот автор, описывая развитие торговли в XIII в., подчеркивал, что из Золотой Орды на Восток ведут три важных торговых магистрали: первая – из Поволжья в обход Каспийского моря, вторая – через Дербент, третья – вдоль восточного берега Черного моря [Мирный, 1965]. Восточно-причерноморский торгово-сухопутный маршрут можно отождествлять и с «дорогой Запада» [Нарожный, 1997], упоминаемой в грузинских источниках [Цулая, 1980]. Вероятно, именно по этому пути из Закавказья на верхнюю Кубань и попадали грузинские монеты. Причем с учетом обоих упомянутых кладов приток денежной массы был довольно солидным. Но и при таком объяснении условий распространения монет Русудан на верхней Кубани в виде кладов не совсем понятными остаются причины и хотя бы приблизительное время их сокрытия. При определении времени следует учитывать обнаруженную в Азове серебряную монету Русудан чеканки 1230 г. (см. рис. 1, 9). Можно предположить: в числе грузинских монет, имевших хождение по сухопутной трассе вдоль восточного берега Черного моря, были не только медные монеты 1227 г. Вероятно, на эту территорию, вплоть до Азова, эпизодически попадали и серебряные монеты Русудан, отчеканенные в 1230 г. Можно утверждать, что такое денежное обращение здесь сохранялось, наверное, до конца 1230-х гг., т.е. до начала второго нашествия Чингизидов на Северный Кавказ. Войска Чингизидов двигались с запада (от Азовского и Черного морей) на восток Северного Кавказа, в сторону Дербента. Эта военная кампания, начатая в конце 1238 г., в отличие от вторжения 1222 г., была гораздо масштабнее, продолжительнее и драматичнее по своим последствиям и имела целью планомерное завоевание региона; оно затянулось до начала 1240-х гг. Скорее всего, военные действия не только прервали на время давно налаженные торгово-экономические отношения между населением Северного Кавказа, Грузии и Закавказья, но и спровоцировали сокрытие имевшихся монет в виде кладов. Данная версия позволяет рассматривать грузинские монеты на Северном Кавказе не столько как отражение эпизодических акций, сколько как основную составляющую всего денежного обращения в регионе первой трети XIII в.

Китайские монеты. В 2001 г. Ю.Д. Обухов опубликовал китайскую монету, случайно поднятую в

1996 г. на распаханном поле близ современного г. Буденновска на Ставрополье, где в XIII в. возник и динамично развивался золотоордынский г. Маджар (см. рис. 1, 11) [2001]. Монета с квадратным отверстием в центре (рис. 4, 1). Диаметр круглого диска 34,0 мм, вес 10,5 г, номинал 3 вэнь. Была определена как китайская «монета периода правления императора Цэй-Тэй (1201–1204 гг.) из династии Сун (960–1279 гг.)» [Там же, с. 128]. В связи с этой находкой Ю.Д. Обухов сослался и на сведения В.А. Городцова: этот исследователь, вводя в научный оборот результаты своих раскопочных работ на Маджаре в 1907 г., упомянул о найденных там нескольких других «персидских и китайских» монетах [Городцов, 1911].

Вероятно, эту же информацию о «персидских и китайских» монетах из Маджар повторил и известный ставропольский краевед Г.Н. Прозрителев. В 1995 г., ссылаясь на архивные записи Г.Н. Прозрителева, хранящиеся в фондах Ставропольского краеведческого музея, уже Ю.А. Прокопенко утверждал, что на Маджаре когда-то находили «китайские (сиамские) монеты» [1995в, 1996]. Позднее он писал об этом как об установленном факте [1996]. Указанная выше идентификация (монеты «китайские – сиамские») – явное недоразумение. Ставя знак равенства между определениями «китайские» и «сиамские», Г.Н. Прозрителев, а за ним и Ю.А. Прокопенко рассматривали эти монеты как относящиеся к денежному обращению в средневековом государстве Сиам. Но Сиам в интересующее нас время являлся составной частью королевства Аюгия и черты собственной государственной самостоятельности начал обретать лишь в XIV–XV вв. Денежное обращение Сиам, по мнению спе-

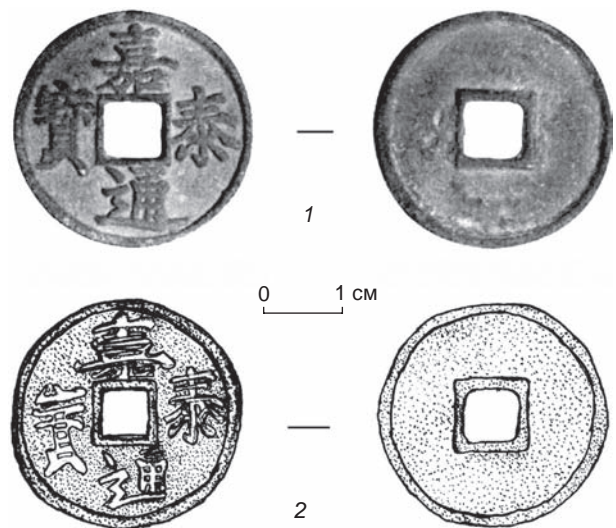

Рис. 4. Китайские монеты с Северного Кавказа. 1 – г. Маджар (по: [Обухов, 2001, с. 129, рис. 1]), 2 – Северо-Западный Прикаспий (прорисовка М.П. Севостьянова).

циалистов, стало развиваться только с начала XV в. под влиянием и на основе китайского денежного обращения [Берзин, 1982]. Поэтому предложенное авторами отождествление китайских монет, обнаруженных А.А. Городцовым в культурных отложениях Маджара XIII–XIV вв., с «сиамскими» вызывает сомнение [Нарожный, Нарожная, 2003].

А.В. Пачкалов указывает на необходимость учитывать не только опубликованную Ю.Д. Обуховым китайскую монету с Маджарского городища, но и «находки монет Китая неизвестного времени», которые отмечались в публикации Т.М. Минаевой (количество монет не указывалось, монеты не опубликованы) [Пачкалов, 2008]. Создается впечатление, что А.В. Пачкалов имеет в виду еще какое-то количество китайских монет, некогда найденных на Маджаре, но якобы не учитываемых специалистами. Т.М. Минаева, на которую ссылается А.В. Пачкалов, коснулась интересующей проблемы, но лишь констатировала давно известный по публикации В.А. Городцова факт обнаружения на Маджаре «персидских и китайских монет» [Минаева, 1953]. Таким образом, пока известно только о двух случаях выявления китайских монет на территории этого золотоордынского города: первый – в 1907 г. В.А. Городцовым (количество и номинал монет не указаны, неизвестна и дальнейшая судьба этих монет), второй – на городище была поднята только одна монета, которую опубликовал Ю.Д. Обухов.

Однако сведениями В.А. Городцова и Ю.Д. Обухова вся информация об интересующих нас китайских монетах, обнаруженных на Северном Кавказе, не исчерпывается. В конце 1950-х гг. здесь, по информации Е.И. Крупнова, были найдены различные изделия из бронзы. Среди них кавказовед называет «китайские средневековые монеты и зеркала», собранные им в песчаных выдувах Северо-Западного Прикаспия (см. рис. 1, 13). К сожалению, исследователь не указал точное место их обнаружения; он отметил лишь, что все эти средневековые предметы были собраны в окрестностях селений Ачикулак, Бажиган и станицы Алексеевская [Крупнов, 1961]. Это Прикаспийская низменность, которая находится на значительном удалении от территории Маджарского городища.

Еще одна китайская монета была обнаружена во второй половине 1950-х гг. Она была связана с развееванным позднечечевическим захоронением около уже упоминавшегося селения Ачикулак в Дагестане (см. рис. 1, 12; 4, 2). Рисунок погребения и инвентаря с этой монетой хранился в личном архиве грозненского краеведа М.П. Севостьянова и был опубликован уже после его смерти [Нарожный, 2005]. Судя по масштабу рисунка, данная монета по размерам идентична монете из Маджара, опубликованной Ю.Д. Обуховым. Сходство прослеживается также по размерам квадратной рамки в центре и по рисунку символов. Указанные

совпадения позволяют предположить, что монета из Ачикулака по времени и номиналу идентична монете с Маджарского городища.

Таким образом, сегодня мы можем вести речь лишь о двух китайских монетах: из сборов на Маджаре и из погребения у Ачикулака. Заслуживают доверия и нечеткие сведения В.А. Городцова еще о нескольких монетах Китая с территории Маджара и Е.И. Крупнова о монетах из Северо-Западного Прикаспия. Но ни В.А. Городцов, ни Е.И. Крупнов никакой информации о количестве таких монет и их номинале, к сожалению, не приводят.

Рассмотренные данные позволяют сделать вывод, что китайские монеты использовались на Северном Кавказе гораздо чаще, нежели принято считать. Они имели хождение, насколько позволяют представить собранные сведения, как минимум не только на территории Прикумья, но и Северо-Западного Прикаспия. Вполне закономерно возникают вопросы о причинах и условиях распространения китайских монет на территории указанных микрорегионов Северного Кавказа.

Ю.Д. Обухов, определяя причины появления в регионе опубликованной им монеты, не исключает, что она могла быть «военным трофеем, привнесенным сюда из монгольских походов в Китай, или же... “сувениром”, попавшим на Северный Кавказ вместе с кем-то из купцов или путешественников, “ездивших на Дальний Восток”». Как полагает Ю.Д. Обухов, эта монета была попросту обронена на территории, где впоследствии и возник золотоордынский Маджар [2001]. Можно предположить, что такая же «монета-трофей» или «сувенир» стала частью погребального инвентаря монгольского воина. Китайские монеты в монгольских захоронениях фиксируются и далеко за пределами Северного Кавказа, например на территории Забайкалья [Ковычев, 1981]. Однако подобная версия появления китайских монет на Северном Кавказе – явное упрощение. Она не применима к тем монетам, о которых писали В.А. Городцов и Е.И. Крупнов. Вряд ли следует забывать и о том, что монеты из раскопок В.А. Городцова, впрочем, как и находка, опубликованная Ю.Д. Обуховым, были связаны с культурным слоем золотоордынского Маджара. Да и Е.И. Крупнов обнаруженные в Северо-Западном Прикаспии «китайские монеты и зеркала» связывал с развитием торговых отношений Золотой Орды. Наиболее вероятно, эти китайские монеты получили распространение на Северном Кавказе благодаря транзитной международной торговле. Не исключая возможности случайного проникновения китайских монет на территории Прикумья и Северо-Западного Прикаспия, обнаруженные здесь китайские монеты следует рассматривать вкпе с иными артефактами китайского происхождения. Среди них следует назвать высокохудожественные чаши из серебра с ручками, оформ-

ленными в виде «драконов» [Крамаровский, 1995а, б], а также резные подражания им, выполненные из дерева [Нарожный, 1996а], великолепные наборы поясной гарнитуры из захоронений знатных Чингизидов «поколения внуков Чингисхана» с Северного Кавказа [Крамаровский, 1995а, 2001]. Большинство таких изделий можно сопоставить с кругом предметов из «великоханского» наследия [Крамаровский, 1995а, б; 2001; Нарожный, Охонько, 2000, 2007]. Вероятно, вместе с китайскими монетами в золотоордынские владения на территории Восточной Европы, включая и Северный Кавказ, попали и изделия из китайского фарфора, в т.ч. те, которые были выявлены на Маджаре в ходе раскопок В.А. Городцова [1911]. Возможно, в XIII в. на Северном Кавказе оказались и «китайские зеркала», упоминавшиеся Е.И. Крупновым, и великолепные шелковые ткани, фрагменты которых сохранились в материалах раскопок отдельных захоронений Новопавловского некрополя [Доде, 2001; Нарожный, Охонько, 2007], могильника Джухта-2 на Ставрополье [Доде, 2001; 2005а, б, в; 2007], а также в синхронных погребальных комплексах междуречья Дона и Сала [Власкин и др., 2006]. Вместе с ними распространение получили и многие прочие, по терминологии М.В. Горелика, «китаизмы» [1979, 1982], которые украшали монгольские костюмы эпохи Золотой Орды [Доде, 2001; 2005а, б, в; 2007]. Все эти находки китайского происхождения с Северного Кавказа можно напрямую связывать с развитием торговли и торговыми отношениями Золотой Орды. Тем более что сегодня бронзовые китайские монеты найдены и за пределами Северного Кавказа, например в Саратовском Поволжье (золотоордынский г. Укек) [Недашковский, 2000]. На нижней Волге (Селитренное городище) обнаружен целый клад таких монет [Федоров-Давыдов, 1998]. По всей вероятности, появление на Северном Кавказе разнообразных изделий из средневекового Китая можно объяснить не только переселением сюда отдельных знатных Чингизидов и их семей. Приток части таких же артефактов, вероятно, был результатом активизации международной транзитной торговли в середине – второй половине XIII в. В этот период основные торговые артерии стали осваивать итальянцы; они заполняли транспортные магистрали, ведущие из Кафы в Поволжье, Хорезм, Семиречье, Монголию и Китай. Пик этой активности, по мнению исследователей, приходился на последнюю четверть XIII в. [После Марко Поло, 1968]. Вероятно, ассортимент ввозимых из Китая товаров был очень богат и разнообразен, что способствовало интенсивному обороту платежных средств, включавших и бронзовые китайские монеты. К такому выводу подталкивают и данные о том, что в последней четверти XIII в., например, в соседнем иранском Тебризе по китай-

скому образцу выпускали бумажные ассигнации и при этом прибегали к услугам китайских советников [Ивочкина, 1990, с. 128]. Аналогичная, хотя и не совсем удачная, попытка ввода бумажных денег (1294 г.) была отмечена и на сопредельной с Северным Кавказом территории Грузии [Там же]. Указанные свидетельства – исторический фон, вполне определенно демонстрирующий причины, условия и характер притока бронзовых китайских монет в золотоордынские владения на Северном Кавказе.

Выводы

Проведенное исследование дает возможность утверждать, что рассматриваемые находки (единичные монеты XIII в. и монетные клады) из разных уголков Северного Кавказа позволяют не только углубить, но и значительно расширить представления о различных событиях, явлениях и процессах эпохи, слабо отраженных в письменных источниках. Найденные в регионе европейские монеты, включая монету Белы III, свидетельствуют о торговых контактах между населением Таманского полуострова и Южного Причерноморья. Монеты хорезм-шаха Джалал-ад-Дина и царицы Русудан, оцениваемые вместе с лаконичными данными письменных источников и археологическим материалом, заставляют по-новому взглянуть на историю взаимоотношений между Закавказьем и Северным Кавказом – они оказались прерванными событиями 1222 г. лишь на короткое время. Благодаря включению в систему политико-экономического диктата Золотой Орды (начало 1240-х гг.), созданию новых городских центров, изменению прежних торговых трасс, Северный Кавказ был втянут в орбиту формировавшейся политико-экономической системы Золотой Орды и в сферу ее активной международной торговли [Виноградов, Дударев, Нарожный, 1995]. Происходившие перемены обусловили приток и хождение здесь и других, самых разнообразных, монет, в т.ч. монет из хулагуидского Ирана, Индии и Китая. Обнаружение таких монет в погребальных комплексах и культурных слоях бытовых памятников Северного Кавказа – вполне достойный повод для разностороннего анализа причин, условий и путей их притока на Северный Кавказ и использования в контексте исторической обстановки эпохи. Рассмотренные нами группы монет – лишь небольшая часть нумизматического материала, накопленного на Северном Кавказе. Вместе с краткими письменными источниками и археологическими материалами они принципиально важны для исторической реконструкции многих значимых событий, явлений и процессов политической, экономической и этнокультурной истории Северного Кавказа XIII в.

Список литературы

- Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века.** – М.: ИЭА РАН, 2005. – Вып. 1: Текст. – 132 с.
- Берзин Э.О.** Юго-Восточная Азия в XIII–XIV вв. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1982. – 240 с.
- Буниятов З.М.** Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов. 1097–1231 гг. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1988. – 258 с.
- Виноградов В.Б.** Нумизматические материалы в проблеме хронологии и периодизации позднесредневековой истории Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. – Орджоникидзе: Изд-во Сев.-Осет. гос. ун-та, 1988. – С. 110–121.
- Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Нарожный Е.И.** Основные этапы всемирной истории. Методический материал // Восток. Афро-азиатские сообщества: История и современность. – М.: Наука, 1995. – С. 125–135.
- Виноградов В.Б., Нарожный Е.И.** Монетные чеканы закавказских городов в северокавказских древностях XIII–XIV вв. // Научная конференция «Средневековые города и городская жизнь Кавказа (в свете археологических данных)». – Тбилиси, 1988. – С. 44–46.
- Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А.** Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – М.: Памятники истор. мысли, 2006. – Вып. 6. – 220 с.
- Гольман М.И.** Изучение истории Монголии на Западе. XIII – середина XX в. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1988. – 222 с.
- Гончаров Е.Ю., Чхаидзе В.Н.** Находки средневековых монет на территории Таманского полуострова // Материалы и исследования по археологии Кубани. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 2007. – Вып. 5. – С. 343–347.
- Горелик М.В.** Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV–XIX вв. // Костюм народов Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 49–77.
- Горелик М.В.** Монголы и огузы в тебризской миниатюре XIV–XV вв. // *Mittelälterische Mallerei in Orient.* – Halle (Saale): Martin-Luter Universität Verlag, 1982. – S. 50–74.
- Городцов В.А.** Результаты археологических исследований на месте развалин Маджара в 1907 г. // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1907 г. – М.: [Тип. Имп. Акад. наук], 1911. – Т. 3. – С. 110–154.
- Гусев С.В.** Северо-Восточный Кавказ в раннем средневековье: Монеты рассказывают. – М.: Наука, 1995. – 120 с.
- Джалаганиа И.Л.** Иноземная монета в денежном обращении Грузии V–XIII вв. – Тбилиси: Мецниереба, 1979. – 146 с., 41 табл., 4 карты.
- Доде З.В.** Средневековый костюм народов Северного Кавказа. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 2001. – 140 с.
- Доде З.В.** «Шелковый рай» на Северном Кавказе. Иранские и китайские ткани XIV века по коллекции Б.А. Куфтина // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2005а. – № 2. – С. 68–76.
- Доде З.В.** Символы легитимизации принадлежности к Империи в костюме кочевников Золотой Орды // Восток. Афро-азиатские сообщества: История и современность. – М.: Наука, 2005б. – С. 146–162.
- Доде З.В.** Уникальный шелк с «драконами» из могильника Джухта (Северный Кавказ) // РА. – 2005в. – № 2. – С. 138–150.
- Доде З.В.** Костюм населения Северного Кавказа VII–XVII вв. (Реконструкция этносоциальной истории): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2007. – 62 с.
- Ивочкина Н.В.** Возникновение бумажно-денежного обращения в Китае эпохи Тан и Сун. – М.: Наука, 1990. – 140 с.
- История Венгрии.** – М.: Наука, 1971. – Т. 1. – 644 с.
- Капанадзе Д.К.** Грузинская нумизматика. – Тбилиси: Мецниереба, 1955. – 160 с.
- Ковычев Е.В.** Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 64–72.
- Крамаровский М.Г.** Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII–XIV веков (по материалам Крыма и Кавказа) // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. – Л.: Искусство, 1985. – С. 122–159.
- Крамаровский М.Г.** О латинском компоненте в культуре ордынско-итальянской зоны в Северном Причерноморье второй половины XIII–XIV вв. // Вторая Кубанская археологическая конференция. – Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1993. – С. 56–59.
- Крамаровский М.Г.** Монгольская золотая пластинка из коллекции Халлили // Эрмитажные чтения, посвящ. памяти В.Г. Лукониной. 1986–1994 гг. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1995а. – С. 193–199.
- Крамаровский М.Г.** Серебряный ковш династии Юань из коллекции Халлили // Эрмитажные чтения, посвящ. памяти В.Г. Лукониной. 1986–1994 гг. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1995б. – С. 239–242.
- Крамаровский М.Г.** Европейские рыцарские пояса и их подражания, найденные на Северном Кавказе, в Крыму и Великом княжестве Литовском // XX Юбилейные международные «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа: Тез. докл. – Ставрополь, 1998. – С. 68–71.
- Крамаровский М.Г.** Новые материалы по истории культуры ранних Джучидов: воинские пояса конца XII – первой половины XIII в. (Источниковедческие аспекты) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1356 гг. – Казань: Ин-т истории АН Республики Татарстан, 2001. – С. 43–81.
- Крупнов Е.И.** За экономическое возрождение Прикаспийской низменности (По материалам Северо-Кавказской археологической экспедиции 1946–1955 гг.) // СА. – 1961. – № 3. – С. 3–13.
- Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А.** Пути развития северокавказского города (По материалам Дербента домонгольской поры). – Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2003. – 330 с.
- Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А.** Северокавказский мусульманский город в эпоху Золотой Орды (динамика развития города на примере Дербента) // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа): Тез. докл. – Владикавказ, 2008. – С. 227–231.
- Минаева Т.М.** Золотоордынский город Маджар // Материалы по изучению Ставропольского края. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1953. – Вып. 5. – С. 121–156.

Мирный С.М. «La Flor des Estores de Terres d' Orient» Гайтона как историко-географический источник по Востоку и истории монголов // Сов. востоковедение. – 1965. – № 5. – С. 72–82.

Нарожный Е.И. Несколько деревянных изделий XIII–XIV вв. с территории Северо-Восточного Кавказа // Вопросы северокавказской истории. – Армавир: Армавир. гос. пед. ин-т, 1996а. – Вып. 1. – С. 13–22.

Нарожный Е.И. Монеты грузинской царицы Русудан на Северном Кавказе в контексте событий первой половины XIII века // Историческое регионоведение – вузу и школе: Мат-лы V Регион. конф. – Славянск на Кубани: Изд-во Славян. фил. Армавир. гос. пед. ин-та, 1996б. – С. 23–25.

Нарожный Е.И. «Дорога Запада» грузинского «Хронографа» XIV в. // Кубань в истории России: Крат. содерж. докл. краев. конф. – Краснодар, 1997. – Ч. 1: Археология и краеведение Кубани. – С. 46–48.

Нарожный Е.И. О некоторых находках XIII–XIV вв. с территории «Грозненской области» (по материалам личного архива грозненского краеведа М.П. Севостьянова) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Армавир: Ред.-издат. центр Армавир. гос. пед. ун-та, 2005. – Вып. 5. – С. 226–243.

Нарожный Е.И. О специфике денежного обращения на Северном Кавказе в первой трети XIII века // XIV Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. и сообщ. – СПб., 2007. – С. 78–80.

Нарожный Е.И. Поливная керамика XIII–XIV вв. с территории Северного Кавказа // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X–XVIII вв. – Киев: Наук. думка, 2008. – С. 1–30.

Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. О находках китайских монет XIII века с территории Прикаспийской низменности // Проблемы всеобщей истории. – Армавир: Изд-во Армавир. гос. пед. ун-та, 2003. – Вып. 9. – С. 198–203.

Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новые раннедзючидские комплексы Северного Кавказа // IV «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и музееведению Северного Кавказа: Мат-лы Регион. науч. конф. – Ставрополь, 2000. – С. 27–31.

Нарожный Е.И., Охонько Н.А. Новопавловский могильник XIV века в системе евразийских древностей // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. – Армавир: Ставрополь: Изд-во Армавир. гос. пед. ун-та, 2007. – Вып. 7. – 186 с.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. – М.: Наука, 2000. – 220 с.

Обухов Ю.Д. Китайская монета с городища Маджары // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – М.: Памятники ист. мысли, 2001. – Вып. 2: Археология, антропология, палеоклиматология. – С. 128–130.

Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и Закавказья // Труды общества обследования и изучения Азербайджана. – Баку, 1926. – Вып. 3. – 120 с.

Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других краев и областей Кавказа. – Баку: Кн. изд-во, 1959. – Т. 8. – 140 с.

Пахомов Е.А. Монеты Грузии. – Тбилиси: Мецниереба, 1970. – 180 с.

Пачкалов А.В. Иноземные монеты на Маджарском городище // Отражение цивилизационных процессов в ар-

хеологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа): Тез. докл. – Владикавказ, 2008. – С. 283–285.

После Марко Поло. Путешествия западных чужеземцев в страны трех Индий / пер. с лат. и со старорит., введение и примеч. Я.М. Света. – М.: Наука, 1968. – 320 с.

Прокопенко Ю.А. Грузия и Северный Кавказ в первой половине XIII века // Интеграция археологических и этнографических источников: Мат-лы III Всерос. науч. семинара, посвящ. 110-летию со дня рождения С.И. Руденко. – Омск, 1995а. – Ч. 1. – С. 45–49.

Прокопенко Ю.А. К вопросу о находках на Северном Кавказе грузинских монет чекана царицы Русудан // Сборник тезисов и докладов Региональной научной конференции: «Проблемы взаимодействия национальных культур». – Астрахань, 1995б. – Ч. 2: Межэтническое общение и национальные культуры. – С. 54–60.

Прокопенко Ю.А. Клады и находки единичных монет на территории Ставропольского края и Карачаево-Черкессии (К вопросу о древних путях в Центральном Предкавказье) // Из истории земли Ставропольской. – Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 1995в. – Вып. 1. – С. 3–32.

Прокопенко Ю.А. К вопросу о находках золотоордынских монет в Центральном Предкавказье // Из истории земли Ставропольской. – Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 1996. – С. 20–32.

Прокопенко Ю.А. Находки монет царицы Русудан и Джелал-ад-Дина Мангуберга на Северном Кавказе в свете трагических событий первой половины XIII века // Из истории народов Северного Кавказа. – Ставрополь: Изд-во Ставроп. гос. ун-та, 2000. – Вып. 3. – С. 42–51.

Сихарулидзе Ю.М. Борьба грузинского народа против татаро-монгольского владычества: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Тбилиси, 1959. – 50 с.

Тер-Мкртчян Л.Х. Армянские источники о Средней Азии. VIII–XVIII вв. – М.: Наука, 1985. – 194 с.

Тменов В.Х. Исследования пещерных склепов у сел. Дзивгис // АО 1983 года. – М.: Наука, 1985. – С. 130–131.

Тменов В.Х., Цуциев А.А. Некоторые дополнительные данные об алано-грузинских связях в XIII–XIV вв. (Грузинские монеты в склепах Дзивгиса) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тез. докл. Межрегион. конф. – Ставрополь, 2003. – С. 86–88.

Федоров-Давыдов Г.А. Новые находки восточных монет VIII–XIII вв. на территории Восточной Европы // Эпиграфика Востока. – 1985. – Вып. 23. – С. 44–47.

Федоров-Давыдов Г.А. Торговля нижневолжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. – Йошкар-Ола: Изд-во Марий. гос. ун-та, 1998. – Вып. 1. – С. 49–62.

Цулая Г.В. Грузинский «Хронограф» XIV века о народах Кавказа // Кавказский этнографический сборник. – М.: Наука, 1980. – Вып. 7. – С. 193–216.

Чхаидзе В.Н. К вопросу о появлении половцев на Таманском полуострове // Археологический журнал. – Армавир, 2008. – № 1. – С. 66–69.